

Департамент культуры Ярославской области
Государственное учреждение культуры Ярославской области
«Областная юношеская библиотека имени А.А. Суркова»
Научно-методический отдел

***РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ОКОПАХ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(эссе у выставки)***

*Ярославль
2014*

83.3(2Рос=Рус) + 63.3(2)53

Р 89

Русская литература в окопах Первой мировой войны: эссе у
выставки / авт.-сост. С.Н. Левагина; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова;
ГУК ЯО «Обл. юнош. б-ка им. А.А. Суркова», науч.-методич. отд. -
Ярославль, 2013. - 51 с.

БИБЛИОТЕКАРЮ

Предлагаемый вашему вниманию методический материал выходит в год столетия со времени начала Первой мировой войны и посвящён писателям-фронтовикам, чей личный опыт участия в этой войне способствовал созданию ярких, талантливых произведений, в которых данная тема подана искренне, пропущена через разум и чувства. Это тем более ценно, что не все писатели, прошедшие Первую мировую, оставили нам свои произведения о ней. Так, связанные своим будущим литературным творчеством с Ярославским краем военный корреспондент Михаил Пришвин и артиллерийский прапорщик Виталий Бианки, как бы в противовес этой теме, всё своё творчество посвятили жизни природы, её праву на существование.

К сожалению, на протяжении десятилетий художественные произведения о Первой мировой войне в нашей стране либо замалчивались, либо преподносились читателю с чисто идеологической точки зрения. В настоящее время мы возвращаемся к целостному взгляду на литературу тех лет, которая содержит уникальный опыт познания человека в эпоху глобальных катастроф.

Методический материал «Русская литература в окопах Первой мировой войны (эссе у выставки)» выходит в серии «В творческую копилку библиотекаря». Издания этой серии носят исследовательский характер, что предполагает их использование как в данном формате, так и выборочно – в качестве включения в мероприятия краеведческой направленности, а также для расширения кругозора библиотекаря.

Выставка, сопровождаемая представленным эссе, может содержать не только названные, но и другие художественные произведения о Первой мировой войне, имеющиеся в фондах библиотек.

Русская литература в окопах Первой мировой войны (эссе у выставки)

Разрушительная и гибельная Первая мировая война началась 28 июля 1914 года и официально закончилась 11 ноября 1918 года; в ней противниками стран Антанты (Россия, Великобритания, Франция, в ходе войны – Италия) и её союзников стал блок Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария). В результате войны страны-участницы потеряли миллионы воинов и мирных жителей; в России только убитыми и ранеными – около пяти миллионов человек. И это не считая погибших от эпидемий и голода, которых, по самым скромным подсчётам, насчитывалось по всему миру более двадцати миллионов человек.

«Политологи и историки в один голос утверждают: современный мир со всеми его проблемами во многом порождён именно Первой мировой, а Вторая мировая стала её логическим продолжением... В 1914-1917 годах в русскую армию было призвано без малого 16 миллионов жителей нашей страны. А сколько было тех, кто стоял у заводских станков и трудился в поле, тех, кто не спал ночей у операционного стола в лазарете, тех, кто жертвовал трудовую копейку на помощь фронту, кто был сорван с родных мест войной и стал беженцем, тех, кто приютил таких беженцев?.. Так или иначе Первая мировая вошла в каждый дом, в каждую семью».¹

Однако, в отличие от литературы о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, читатели в Советском Союзе с литературой о Второй Отечественной войне (так её называли до революции, в отличие от Отечественной войны 1812 года) знакомы не были. Она исчезла вместе репрессированными участниками тех

¹ Бондаренко В.В. Герои Первой мировой. – Москва, 2013. – С. 6.

событий, уничтоженными памятниками и наградами. А ведь произведения писателей и поэтов-фронтовиков того времени представляли собой необходимое противостояние расчеловечиванию. Тому самому расчеловечиванию, которое неизбежно повлекло за собой гражданские войны, насилие, террор, разрушение государств и семей.

До нас доходили только некоторые иностранные произведения писателей-фронтовиков с мировым именем: Ремарка («**На западном фронте без перемен**»), Хемингуэя («**Прощай, оружие!**»), Ярослава Гашека (незаконченный роман «**Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны**»). Эти писатели были непосредственными участниками грандиозной мировой трагедии и знали о жизни на фронте не понаслышке.

Так, Эрнест Хемингуэй, военный шофёр, спасая раненого итальянского снайпера, попал под огонь австрийских пулемётов и миномётов, но остался жив. В госпитале из него вынули 26 осколков, при этом на теле Эрнеста было более двухсот ран, а коленную чашечку ему заменили алюминиевым протезом. Осколками гранаты в ногу, руку и шею был ранен пехотинец Эрих Мария Ремарк. Военный писарь Ярослав Гашек успел побывать в плену и повоевать в трёх армиях – Австро-Венгерской, Чехословацком корпусе и Красной армии.

Ещё в самом начале Первой мировой войны писатель Леонид Андреев говорил о том, что война имеет две летописи: первая – это свод фактов, имён, событий, а вторая – самая подлинная и настоящая – показания очевидцев, письма, стихи, передающие настроение общества. В нашей стране сохранялась только первая летопись. Вторую начали восстанавливать лишь в самом конце XX века, когда были изданы написанные в Первую мировую «**Записки кавалериста**» Н. Гумилёва, «**Из писем прапорщика-артиллериста**» Ф. Степуна, «**Народ на войне**» С. Федорченко, а в сборники стихов поэтов стали входить

стихи того времени. И время заговорило с нами подлинными словами, с трудом прорываясь сквозь пропагандистские шоры.

*Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письма.
Но, может быть, благоговейно память
Случайный стих изустно сохранит.
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада –
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн,
И Апокалипсисы революций.*

*Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак, и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посреди дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек один другому – дьявол,
Кровь – спайкой душ, борьба за жизнь – законом
И долгом – месть.
Но мы не покорились...²*

² Волошин М.А. Потомкам // Волошин М.А. Звезда полынь. – Москва, 2013. – С. 155.

Так пишет в 1921 году о своём времени поэт серебряного века **Максимилиан Волошин** в стихотворении «**Потомкам**». Здесь каждое слово требует расшифровки и понимания. Расшифровать неупотребимые ныне слова можно при помощи словаря. Так, *брань* означает битву, сечу, войну, *мор* – повальную смерть, эпидемию, *трус* – землетрясение, в переносном же значении – трепет, страх, потрясение. И так далее. А вот за пониманием сути, смысла волошинского откровения мы обратимся к судьбам и произведениям российских писателей и поэтов – фронтовиков Первой мировой войны. Как обратился к ним в своей яркой, неоднозначно воспринимаемой статье «**Чёрный и Белый**» с подзаголовком «**Похождения русской литературы во время Первой мировой войны**» современный писатель и публицист Дмитрий Быков³.

Он говорит о расколе русской литературы того периода по отношению к этой войне на непримиримые кланы. Небольшая часть писателей и поэтов «ударилась в урапатриотизм: Фёдор Сологуб выпустил книгу «**Война**», в которой так и блещет дикое стихотворение «Запасному – жена», Маршак... издевательски цитировал сорок лет спустя: «Что уж нам Господь ни судит – мне и то утехой будет, что жила за молодцом. В плен врагам не отдавайся, умирай иль возвращайся с гордо поднятым лицом! Бабы русские не слабы – без мужей подымут бабы кое-как своих детей...»⁴.

Другие проклинали войну как дело бесчеловечное и бессмысленное, «кровавая правда войны была им омерзительна, себя они на фронте не мыслили... Так воспринял войну Хлебников... Никаких иллюзий насчёт войны не было у Волошина: «Враждующих скорбный гений

³ Быков Д.Л. Чёрный и Белый // Быков Д.Л. На пустом месте: Статьи, эссе. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2008. – С. 79-91.

⁴ Там же, с. 82.

братским вяжет узлом, и зло в тесноте сражений побеждается горшим злом»⁵.

Третья категория литераторов, по мысли Дмитрия Быкова, отлично понимая, что война – гибель, относилась к этому с фаталистической покорностью: гибнем, потому что заслужили, потому что приближали! Потому что каждый ответственен за всех. В этом ряду он называет Александра Блока. И ещё близкого друга Ходасевича Самуила Киссина, рыбинского поэта серебряного века, печатавшегося под псевдонимом Муни, который *«принял войну за окончательную и последнюю «Месть негра» (так называлась его пьеса, предвосхитившая обериутов⁶). Блок и Муни пошли на войну, покорно следуя участи: Блок служил в тыловых инженерных частях и с врагом не соприкасался, Муни в первом же отпуске застрелился»⁷.*

И, наконец, *«были четвёртые – своеобразный синтез первых трёх категорий... Таких было совсем мало – из крупных поэтов только двое»⁸,* – делает вывод Дмитрий Быков. Он пытается определить непонятное нынешнему читателю кредо этих двух поэтов – Николая Гумилёва и Саши Чёрного.

«Они тоже восприняли войну как крах России прежней – но увидели за ней шанс на рождение новой. Оба пошли на фронт добровольцами. Оба писали стихи внятные, рациональные, звонкие – и поэтому оставили мало прозы: они в ней не нуждались. Оба отличались несколько

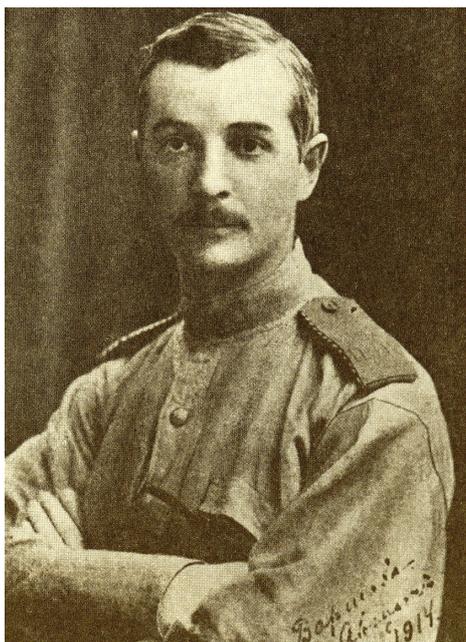
⁵ Быков Д.Л. Чёрный и Белый // Быков Д.Л. На пустом месте: Статьи, эссе. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2008. – С.83.

⁶ Обериуты – ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства) — группа писателей и деятелей культуры, существовавшая в 1927 — начале 1930-х гг. в Ленинграде. В группу входили Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий и др. ОБЭРИУты декларировали необходимость обновления методов изображения действительности, культивировали гротеск, алогизм, поэтику абсурда.

⁷ Быков Д.Л. Чёрный и Белый // Быков Д.Л. На пустом месте: Статьи, эссе. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2008. – С. 84.

⁸ Там же.

*сардоническим⁹ юмором, были болезненно самолюбивы и горды, вечно страдали от бесчисленных хворей, но героически их преодолевали; оба были известны отвагой, физической храбростью – один бросался во все атаки, второй погиб при тушении пожара»¹⁰. Расшифровка названия статьи «Чёрный и Белый» неожиданна: Чёрный – это **Саша Чёрный**¹¹ (настоящая фамилия поэта Гликберг), но Белый – это не Андрей Белый, а **Николай Гумилёв**¹².*

«Эти два воина, – пишет Дмитрий Быков, – поистине белая и чёрная кость войны, аристократия и народ, но обоим присуще то рыцарское понимание долга, которое в России встречается крайне редко... Это долг, так сказать, независимый от Родины, совершенно особый: воевать и, если потребуется, умирать за Родину надо не потому, что она хороша, и вообще не ради неё, а ради себя и своих принципов. <...> Война Гумилёва – рыцарская, милосердная

⁹ Сардонический – злобно-насмешливый, желчный, язвительный. От др. греч. «язвительный, презрительный» – смех жертвы, утраты, отречения. Этот смех у греков стал поговоркой в отношении людей, смеющихся во время своей гибели.

¹⁰ Быков Д.Л. Чёрный и Белый // Быков Д.Л. На пустом месте: Статьи, эссе. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2008. – С. 85.

¹¹ Саша Чёрный (псевдоним; настоящее имя Александр Михайлович Гликберг; другие псевдонимы – Сам по себе, Мечтатель (1880-1932) – русский поэт, прозаик, переводчик.

¹² Гумилёв Николай Степанович (1886-1921) – русский поэт, переводчик, литературный критик, путешественник, офицер.

к противнику, несколько мальчишеская, игровая; он не забывает написать о том, что не видел в занятых немцами деревнях никаких разрушений, никакого варварства, вообще все были очень любезны.

У Чёрного многожды отмечается тот же искусственный, чуть не игровой характер войны: люди решительно не понимают, чего ради им убивать друг друга. «Кровавый дым в глазах, штыки ежами встали, – но вот в пяти шагах и те и эти стали. Орут, грозят, хрипят, но две стены ни с места – и вот пошли назад, взбивая грязь, как тесто. Весна цвела в саду, лазурь вверху сквозила... В пятнадцатом году под Ломжей это было»... Ясно, что и Гумилёв, и Чёрный терпеть не могут убийства – всё, что написано ими о войне, написано главным образом об антураже, а не о самих боях. Но если война ведётся не ради убийства и захвата – то для чего?»¹³. Видимо, для России, для того, чтобы она ценой войны пересоздала себя, превратилась в такую, которую они себе придумали, очистилась их подвигами.

«Гумилёвская Россия, – пишет Быков, – насквозь книжная, никакого отношения не имеющая к реальной! Однако только за такую и можно воевать, потому что настоящая... злая, грязная, расколота и в любом случае не своя. Станным образом эта его идиллическая Россия совпадала с той, которая мечталась Саше Чёрному в блаженном стихотворении об отпуске с фронта: «Эй, Дуняша, королева, глянь-ка, воду не пролей! Бёдра вправо, вёдра влево, пятки сахара белей. Тишина. Поля глухие. За оврагом скрип колёс. Эх, земля моя Россия, да хранит тебя Христос!» («На поправке»».¹⁴

«Гумилёвские военные стихи и записки переполнены восторгом, – отмечает Дмитрий Быков, – все вечно ставили

¹³ Быков Д.Л. Чёрный и Белый // Быков Д.Л. На пустом месте: Статьи, эссе. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2008. – С. 85-88.

¹⁴ Там же, с. 89.

ему в вину неумеренно радостное «И как сладко рядить победу, словно девушку, в жемчуга, проходя по дымному следу отступающего врага!» (Как будто в первых же строчках не сказано: «Та страна, что могла быть раем, стала логовищем огня».) Но ведь это никак не восторг войны, разрушения, насилия – это скорее самогипноз, заговор на самого себя: «Я, носитель мысли великой, не могу, не могу умереть».¹⁵

Гумилёв получил двух солдатских «Георгиев», был представлен к «Станиславу» с мечами и бантом, дослужился до прапорщика, а Саша Чёрный так и остался рядовым, над которым, как над «образованным», издевается фельдфебель¹⁶.

Репетиция

*Соломенное чучело
Торчит среди двора.
Живот шершавый вспучило, –
А сбоку детвора.
Стал лихо в позу бравую,
Штык вынес, стиснул рот,
Отставил ногу правую,
А левую – вперёд.*

*Несусь, как конь пришпоренный:
«Ура! Ура! Ура!»
Мелькает строй заморенный,
Пылица и жара...*

Сжал пальцы мёртвой хваткою,

¹⁵ Быков Д.Л. Чёрный и Белый // Быков Д.Л. На пустом месте: Статьи, эссе. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2008. – С. 86.

¹⁶ Солдаты-пехотинцы носили звания *рядовой, ефрейтор, младший унтер-офицер, старший унтер-офицер, фельдфебель*.

*Во рту хрустит песок,
Шинель жжёт рёбра скаткою,
Грохочет котелок.*

*Легко ли рысью – пешему?
А рядом унтер вскачь:
«Коли! Отставить! К лешему...»
Нет пафоса, хоть плачь.*

*Фельдфебель, гусь подкованный,
Басит среди двора:
«Видать, что образованный...»
Хохочет детвора.¹⁷*

*Саша Чёрный,
между 1914 и 1917.*

Оба поэта были храбрыми и мужественными людьми, но война не стала и не могла стать преобразующей силой ни для них, ни для России. Однако это вовсе не отменяет их художественных исканий.

Как уже говорилось, высказывания писателей-фронтовиков о Первой мировой войне были идеологически разнонаправленными, но по прошествии целого столетия нас интересуют не ярлыки, навешанные когда-то за согласие или несогласие с большевистской линией, а прежде всего личный человеческий, душевный опыт, достойно воплотившийся в художественной литературе об этой войне. Опыт, не вписывающийся в идеологию. Как в стихотворении «Письмо от сына» из уже цитированного цикла Саши Чёрного «**Война**»¹⁸.

¹⁷ Чёрный Саша. Письмо от сына // Чёрный Саша. Стихотворения / Саша Чёрный; сост. и вступ. ст. Ф. Кривина. – Москва, 1991. – С. 301.

¹⁸ Там же, с. 291-305.

Письмо от сына.

*Хорунжий¹⁹ Львов принёс листок,
Измятый розовый клочок,
И фыркнул: «Вот писака!»
Среди листка кружочек-пунктир,
В кружке каракули: «Здесь мир»,
А по бокам: «Здесь драка».*

*В кружке царила тишина:
Сияло солнце и луна,
Средь роз гуляли пары,
А по бокам толпа чертей,
Зигзаги огненных плетей
И жёлтые пожары.*

*Внизу, в полоске голубой:
«Ты не ходи туда, где бой.
Целую в глазки. Мишка».
Вздыхнул хорунжий, сплюнул вбок
И спрятал бережно листок:
«Шесть лет. Чудак мальчишка!..».*

*Саша Чёрный,
между 1914 и 1917.*

Это простое стихотворение позволяет пронзительно ощутить ценности довоенной жизни, непредвзято взглянуть на приоритеты, задуматься о главном.

Лучшие художественные произведения писателей-фронтовиков – как раз о главном, ведь писались они людьми, находящимися на грани жизни и смерти. Жизнь в этом случае сводится к чему-то такому, без чего нельзя

¹⁹ Хорунжий – офицерский чин в казачьих войсках, соответствующий *подпоручику* в армии и *корнету* в кавалерии.

жить. Вот как, например, заканчивается рассказ в письмах «Гордиев узел» Фёдора Фёдоровича Тютчева:

«20-го мая 1915 г.

Милый Миша.

Я умираю. Мне трудно диктовать, а потому буду краток. Жену прошу меня простить за всё выстраданное через меня... Женичку целую. Он мал и скоро забудет меня... Прощай, дорогой друг, милый Мефистофель, твой Валя.

Р. С. Хотя и поздно и на короткое время, а я всё-таки встретил на своём пути ту, о которой всегда грезил... Прекрасную Марию...

22-го мая 1915 г.

*Милостивый государь
Михаил Сергеевич.*

Пишу Вам по поручению Вашего друга, штабс-ротмистра²⁰ Образцова, скончавшегося у нас в госпитале от ран с 20-го на 21-е мая ночью. Прилагаю написанную мною под его диктовку записку... Он диктовал её почти в полубреду... Подробности его поранения я не знаю. С ним к нам привезён вахмистр²¹ его эскадрона, легко раненный в грудь. От него я могла узнать только, что Ваш друг был изранен, защищая своего товарища, вольноопределяющегося Сашу Катенина. При отступлении от К. их эскадрон был окружён пехотой и пробивался сквозь густые цепи, куда мог. Ваш друг с несколькими драгунами уже успел было выскочить из охватившего его кольца неприятельских солдат, но в эту минуту он увидел недалеко от себя Сашу

²⁰ Штабс-ротмистр – офицерский чин в кавалерии, соответствующий в пехоте штабс-капитану.

²¹ Вахмистр – старший из рядового состава в казачьих войсках.

Катенина, отбивавшегося от двух пехотинцев. Образцов повернул коня и бросился на выручку, но было уже поздно. На его глазах Саша Катенин был поднят на штыки и мёртвый сброшен с лошади на землю... В это время сам Образцов был окружён и несколько человек выстрелило в него в упор... Кто его вырвал из свалки и как довели до своих – он не помнит... До прибытия в госпиталь он находился в бессмысленности и только в госпитале ненадолго пришёл в себя. Продиктовав мне записку, он снова впал в бессмысленность... Перед смертью он всё повторял: «Мария, Мария, где ты, не покидай меня... я нашёл тебя, я нашёл тебя...»

Это были его последние слова.

*С уважением остаюсь
Сестра Г. общины Красного Креста²²
Анна Воробьёва».²³*

Героический Саша Катенин из приведённого письма, дважды награждённый Георгиевским крестом, искренне любимый солдатами и уважаемый всеми за храбрость, молодечество и порядочность, на самом деле – девушка, Лиза Катенина, сбежавшая на фронт с документами и амуницией своего брата, вольноопределяющегося одного из уланских полков. Вольноопределяющимися назывались тогда добровольцы со средним или высшим образованием²⁴.

²² Георгиевская община сестёр милосердия Красного Креста, названная в честь святого Георгия. Организована в Санкт-Петербурге в 1870 г. Главным управлением Российского общества Красного Креста при участии супруги будущего императора Александра III Марии Фёдоровны и знаменитого врача Сергея Петровича Боткина.

²³ Тютчев, Ф.Ф. Гордиев узел // Тютчев Ф.Ф. Кто прав?: роман, повести, рассказы / Ф.Ф. Тютчев; авт. вступ. ст. и коммент. Г.В. Чагин. – Москва, 1985. – С. 486-487.

²⁴ В армии можно было служить добровольно. Добровольцы без среднего образования назывались охотниками, со средним и высшим – вольноопределяющимися. Не могли идти в армию добровольно находящиеся под уголовным судом или следствием, лишённые судом права поступать на госслужбу и те, кто был осуждён за кражу или мошенничество, а также лица моложе 18 и старше 43 лет. Однако, в виде исключения, с Высочайшего

Лиза сочла, что для матери разлука с сыном будет непереносима, да и толку от него на войне будет немного. «...Я сильнее, здоровее и смелее Саши, – пишет она матери. – ...Надеюсь, Вы от души простите меня за моё своеволие, впрочем, Вы всегда жаловались, будто я «плохо действую на Ваши нервы» своими сумасбродными выходками.

Ваша горячо любящая дочь Лиза, а с сегодняшнего дня вольноопределяющийся N-го драгунского полка Александр Катенин»²⁵.

Детей у матери было двое. «Отец их, генерал в отставке, умер за полгода до войны. Александр, всё своё детство болевший, слабый, робкий, впечатлительный, любимец матери, Лиза – «девочка-гусар», как звал её отец, живая, бойкая, своенравная, любительница всякого рода спорта, отчаянная наездница, смелая и своевольная – любимица отца...»²⁶.

Девушка ещё только вступает в жизнь, она ещё сама себя не понимает, а главный герой произведения вдруг именно в ней увидел свою Марию из евангельской притчи о Марии и Марфе – ту, что стремилась услышать и понять Христа, а не просто накормить Его, как её сестра.

Герой рассказа в письмах «Гордиев узел» в обстановке предельной опасности, напряжения всех сил стремится найти истинную основу в своей зашедшей в тупик жизни. Но «гордиев узел» разрубается только смертью, война не решает внутренних человеческих проблем. И это доподлинно известно автору произведения, **Фёдору Фёдоровичу Тютчеву** (1860-1916), незаконно-рождённому сыну великого поэта Фёдора Ивановича Тютчева от Елены Александровны Денисьевой.

соизволения, добровольцами с июля 1914 года могли быть как лица моложе 18 и старше 43 лет, так и женщины.

²⁵ Тютчев, Ф.Ф. Гордиев узел // Тютчев Ф.Ф. Кто прав?: роман, повести, рассказы / Ф.Ф. Тютчев; авт. вступ. ст. и коммент. Г.В. Чагин. – Москва, 1985. – С. 467.

²⁶ Там же, с. 486-487

Тютчев

Он был признан отцом, носил его фамилию, хотя и был, по закону, приписан к мещанскому сословию, получив наследственное дворянство только в пожилом возрасте, когда дослужился до полковника.

После смерти матери и отца отношения с воспитывавшими мальчика родственниками²⁷ разладились, и гордый юноша в 19 лет вступает вольноопределяющимся в Первый Московский драгунский полк, а потом заканчивает юнкерское кавалерийское училище. Лёгких путей он не ищет: участвует в войнах, несёт опасную службу в Пограничной страже, а в свободное время занимается журналистикой и пишет замечательную военную прозу. А, кроме того, именно Ф. Ф. Тютчеву мы обязаны сохранением и первой публикацией стихотворений знаменитого ныне любовного *Денисьевского цикла* его отца. В тридцать лет Фёдор Фёдорович остаётся вдовцом с двумя дочерьми: его слабая здоровьем жена умерла, не выдержав тяжёлых условий проживания на границе. Мучаясь чувством вины за её смерть, Тютчев написал автобиографический роман «Кто прав?». Сам же Фёдор Фёдорович мечтает умереть в седле, в одной из кавалерийских атак.

Начало Первой мировой войны Тютчев встретил в тылу, в отпуске, но 54-летний подполковник добился назначения в действующую армию и, в качестве командира батальона 36-го пехотного Орловского полка, лично водил солдат в штыковые атаки. За один из таких боёв Фёдор Фёдорович награждается почётным Георгиевским оружием.

²⁷ По настоянию отца, Фёдор был отправлен из Петербурга, от няни и тётки его матери, к старшей дочери поэта, фрейлине Анне Фёдоровне Аксаковой-Тютчевой.

«С февраля следующего²⁸ года, как пограничный офицер, он переводится в Сводный пограничный полк заместителем командира, участвует в знаменитых атаках русской кавалерии, наводившей ужас на противника. В мае 1915 года в бою у местечка Бергамет немецким снарядом, разорвавшимся поблизости, Тютчев был контужен в левую часть головы и левую ногу. Отлежавшись, он так и не отправился в госпиталь, продолжая руководить боем.

Но это ранение боевому командиру, которому месяц спустя за отличия было присвоено звание полковника, не прошло даром... 9 февраля 1916 года по дороге в полк, в полевом военном госпитале в Бердичеве он внезапно скончался от старых ран»²⁹. В одном из некрологов, наряду военными заслугами Фёдора Фёдоровича, подчёркнуто значение его военной прозы:

«...Надобно сказать правду, он не имел себе соперников на этом поприще в последние годы (1912-1916) – по силе высказанного таланта. От отца, известного поэта, он наследовал, бесспорно, свой талант: безупречный русский язык, бестенденциозность (в чём грешны все современные ему беллетристы), красоту, пластичность изображения и редкую простоту замысла... Текущая война потеряла в Ф.Ф. одного из правдивых и чутких своих изобразителей»³⁰.

Вот таким был военный писатель Фёдор Фёдорович Тютчев, истоки рода которого по линии отца – на ярославской земле (усадьба Знаменское Ярославской губернии Мышкинского уезда, ныне Угличского района).

Были литераторы, постигавшие войну хотя и вблизи, но всё же не на собственном опыте – военные корреспонденты. Здесь необходимо помнить о военной цензуре, сквозь которую не могли пройти личные впечатления, если они не

²⁸ 1915.

²⁹ Чагин Г.В. Сын поэта // Тютчев Ф.Ф. Кто прав?: роман, повести, рассказы / Ф.Ф. Тютчев; авт. вступ. ст. и коммент. Г.В. Чагин. – Москва, 1985. – С. 9-10.

³⁰ Цит. по: Чагин Г.В. Сын поэта // Тютчев Ф.Ф. Кто прав?: роман, повести, рассказы / Ф.Ф. Тютчев; авт. вступ. ст. и коммент. Г.В. Чагин. – Москва, 1985. – С. 10.

совпадали с официальной линией. И потому рассказы и очерки («Обыкновенный человек», «По Воьныни», «По Галиции», «На Кавказе» и др.) военного корреспондента **Алексея Николаевича Толстого** (29 декабря 1882 (10 января 1883) – 1945) подчинены этим требованиям. Но в концентрированном виде его опыт мы обнаруживаем в первой части знаменитого романа **«Хождение по мукам»** – «Сёстры». Эта часть написана в 1921 году, когда писатель ещё находился в эмиграции, и подверглась лишь незначительной корректировке при публикации в советской России в середине 1920-х годов.

Толстой иронизирует над собственными настроениями начального этапа войны образом ошавевшего от ответственности перед грандиозностью государственных задач журналиста Антошки Арнольдова. А войну, в которой участвуют Телегин и Рощин, мы видим совсем другими глазами: *«Под крики и ругань, щёлканье кнутов и*

треск осей об оси, в грязи и дожде, двигались сплошной лавиной обозы наступающей русской армии. С боков пути валялись дохлые и издыхающие лошади, торчали кверху колёсами опрокинутые телеги. ...Шли по грязи солдаты в накинутых на спины мешках и палатках... Время от времени с шоссе на поле сбегал человек и, положив винтовочку на траву, присаживался на корточки. <...>

Доходя до гроыхающей на десятки вёрст полосы боя, обозы и воинские части разливались и таяли. Здесь кончалось всё живое и человеческое. Каждому отводилось

место в земле, в окопе. Здесь он спал, ел, давил вшей и до одури «хлестал» из винтовки в полосу дождевой мглы...

Здесь сосало в животе от тошного страха, съёживалась кожа и поджимались пальцы. Близ полночи раздавались сигналы. Пробегали офицеры с перекошенными губами, – руганью, криком, побоями поднимали опухших от сна и сырости солдат. И, спотыкаясь, с матерной бранью и звериным воем бежали нестройные кучки людей по полю, ложились, вскакивали и, оглушённые, обезумевшие, потерявшие память от ужаса и злобы, врывались в окопы врагов. <...>

С первых же месяцев выяснилось, что доблесть прежнего солдата, – огромного, усатого и геройского вида человека, умеющего скакать, рубить и не кланяться пулям, – бесполезна. На главное место на войне были выдвинуты техника и организация тыла. От солдат требовалось упрямо и послушно умирать в тех местах, где указано на карте. <...> Это было время, когда даже малым детям внушали, что убийство, разрушение, уничтожение целых наций – доблестные и святые поступки. <...> Никакой разум не мог объяснить, почему железом, динамитом и голодом человечество упрямо уничтожает само себя...

Перед этим зрелищем каждый человек, ещё недавно «микроскоп», гипертрофированная личность, – умялся, превращался в беспомощную пылинку. На место его к огням трагической рампы выходили первобытные массы».³¹

Встреча с этими первобытными массами, как назвал их Алексей Николаевич Толстой, ежедневное соприкосновение с хаосом и бессмысленностью страданий разрушает внутренний мир человека. А контраст героизма честно выполняющих свой долг и обязанности с цинизмом тех, кто на этом героизме наживается, – чиновниками и интендантами в тылу, мародёрами на фронте, двойной

³¹ Толстой А.Н. Хожение по мукам // Толстой А.Н. Собр. соч. в 10 т. Т. 5. – Москва, 1983. – С. 125-127, 143-144.

моралью пишущих о войне, – приводит к стремлению самого себя вычеркнуть из этой жизни, к самоубийствам в среде образованной части армии. И потому стреляются не когда особенно физически трудно и страшно, а когда тяжело морально: в отпусках, передышках между боями, на отдыхе в тылу. Так закончил свою жизнь уже названный поэт и прозаик серебряного века **Муни**.

Это псевдоним **Самуила Викторовича Киссина**, который родился в Рыбинске в 1885 году, в семье купца второй гильдии. Окончил Рыбинскую мужскую классическую гимназию (с серебряной медалью) и юридический факультет Московского университета, в 1909 году женился на сестре Валерия Брюсова Лидии. Близкий друг поэта Владислава Ходасевича, оставившего воспоминания о нём. Обратимся и мы к этим воспоминаниям, написанным

в сентябре 1926 года в городе Робинсоне (США, штат Иллинойс), к той их части, что касается Первой мировой войны.

«Муни был мобилизован в самый день её объявления, – пишет Ходасевич. – Накануне его явки в казарму я был у него. Когда я уходил, он вышел со мной из подъезда и сказал: – Кончено. Я с войны не вернусь. Или убьют, или сам не вынесу.

Оказалось, что, как еврей, он не был произведён в прапорщики, но неожиданно назначен чиновником санитарного ведомства. Его отправили в сторону, противоположную фронту: в Хабаровск. Оттуда перебросили в Варшаву, а когда она была занята немцами – в Минск. Но лазаретная жизнь для него оказалась не легче,

чем была бы окопная... Его письма «оттуда» были полны отчаяния. «Реальность» нашла на него самую страшную форму. Все попытки высвободить его, добиться хотя бы перевода в Москву, оказались тщетны. Начальство отвечало: «Ведь он в тылу. Чего же ещё?» – и по-своему было право».³²

Ходасевич находит неожиданную и точную параллель тому, что переживает его друг, в своей собственной судьбе:

«Однажды, осенью 1911 года, в дурную полосу жизни, я зашёл к своему брату. Дома никого не было. Доставая коробочку с перьями, я выдвинул ящик письменного стола и первое, что мне попало на глаза, был револьвер. Искушение было велико. Я, не отходя от стола, позвонил Муни по телефону:

– Приезжай сейчас же. Буду ждать двадцать минут, больше не смогу.

Муни приехал.

В одном из писем с войны он писал мне: «Я слишком часто чувствую себя так, как – помнишь? – ты в пустой квартире у Михаила».

Тот случай, конечно, он вспомнил и умирая: «наше» не забывалось. Муни находился у сослуживца. Сослуживца вызвали по какому-то делу. Оставшись один, Муни взял из чужого письменного стола револьвер и выстрелил себе в правый висок. Через сорок минут он умер.»³³

Последнее его стихотворение-песенка, написанное за несколько дней до этого выстрела, 18-21 марта 1916 года, называется «Самострельная».

³² Ходасевич, В. Некрополь. Муни (Самуил Викторович Киссин) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/vospominaniya/nekropol/muni.htm> – 11.02.2014.

³³ Там же.

Самострельная.

*Господа я не молю,
Дьявола не призываю,
Я только горько люблю,
Я только тихо сгораю.*

*Край мой, забыл тебя Бог:
Кочка, болото да кочка.
Дом мой, ты нищ и убог:
Жена да безногая дочка.*

*Господи Боже, прости
Слово беспутного сына.
Наши лихие пути,
Наша лихая судьбина...³⁴*

Безногая дочка – конечно, не реальный образ, а символ отсутствия корней у будущего мира. Того мира, в котором, как писал Муни, «*Мы – чада хаоса. Мы – маски карнавала, Слепых безумий воплощённый бред*»³⁵. Как жизнь людей на фронте постепенно становится воплощённым бредом, можно проследить по страницам книги **Христины Сёминой «Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914-1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского**

³⁴ Муни. Самострельная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://silverage.ru/kissin/> – 11.02.2014.

³⁵ Ходасевич В. Некрополь. Муни (Самуил Викторович Киссин) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/vospominaniya/nekropol/muni.htm> – 11.02.2014.

фронта», изданной на русском языке в Нью Мексико в 1963-1964 годах. Её документальное повествование написано талантливо, «памятью сердца».

Муж героини, Тины Дмитриевны, порядочный и самоотверженный фронтовой врач, глушит непереносимые моральные тяготы войны, усугублённые постоянной физической усталостью, алкоголем. Но в какой-то момент перестают действовать и алкоголь, и любовь к жене, обрубаятся все человеческие связи: в пасхальную ночь Иван Семёнович не пошёл вместе с женой на праздничную службу. Вернувшись, она обнаружила мужа застрелившимся. Сослуживец мужа говорит ей о том, что все переживают страшное и тяжёлое время: *«И все мы можем не выдержать и поступить так же, как поступил ваш муж...»*³⁶.

В чём же спасение главного, светлого и высокого, в себе? На собственном опыте Тина Дмитриевна осознала: спасая других – спасёшься сам. Но только если эти другие для тебя – не «пушечное мясо», а настоящие, живые люди. Ведь сама по себе «милосердная» должность отнюдь не гарантирует человечности. Вот характерная сценка с молодым врачом, оперирующим пленного турка:

«Вымыв руки, доктор подошёл к раненому, отнял его руку ото рта и сказал: – Посмотрите, сестра, как его разделили!

Я увидела чёрную дыру вместо рта. Ни нижней, ни верхней губы не было. Ни челюстей, ни языка. Одна большая круглая дыра!..

– ...Кладите его и давайте хлороформ...

Я надела раненому маску и стала капать хлороформ...

– Отлично будет жить и без челюстей! А эту дыру постараюсь зашить наподобие рта, – говорит доктор...

³⁶ Сёмина Х.Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914-1918 гг.: Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2: Поход на Мосул / Христина Д. Сёмина. – Нью Мексико, 1964. – С. 104.

Каждый кусочек раздробленных костей, которые он отламывал с хрустом, заставляли всю меня вздрагивать, отдаваясь болью в моём сердце... Потом стал накладывать швы... Просто так! Схватит в одном месте, посмотрит... Вот разве что здесь схватить?.. Потом вот ещё здесь! – И шил так, как делают это маленькие девочки, когда неумело шьют кукле шляпку... В конце концов получилась вместо рта маленькая, круглая дырочка, в которую едва мог пройти палец...

– Ну, вот и новый рот готов! – отходя и любясь своей работой, сказал он.

– Доктор! Да как же он есть то будет?!.. Ведь дырочка рта так мала, что в неё чайная ложка не пройдёт!..

– Правда? Вы думаете?.. Ну что ж! Можно сделать и побольше! – он снял два шва. Дыра стала вместо круглой – немного продолговатой...

– Как же мы его кормить будем?

– Ну, это уже ваше дело, а не моё! Да это и не важно. А важно то, что мне удалось поработать на живом человеке! Сейчас только и можно набить руку по хирургии! А после войны можно уже будет открыть хирургическую лечебницу, или получить место хирурга в больнице!»³⁷.

И молодой хирург больше не интересуется оперированным. Сестра же воспринимает его мучения как свои, ей больно оттого, что от страданий «прекрасные, голубые глаза смотрели на меня мутным, бессмысленным взглядом», оттого, что раненого невозможно даже напоить перед смертью, потому что вода вся выливается назад. И в этом она солидарна с солдатом-часовым:

³⁷ Сёмина Х.Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914-1918 гг.: Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2: Поход на Мосул / Христина Д. Сёмина. – Нью Мексико, 1964. – С. 47-48.

– Бедняга! Вот как его раскромсали, – с сердечной жалостью простого русского человека говорит солдат³⁸.

Человечное и бесчеловечное непосредственно рядом, соприкасаются на этой войне, огрубеть легко, и спасает только деятельная любовь к людям. Она и светится в этой книге сквозь описание несчастий, трагедий, зла. Так, основной акцент в рассказе о страшной резне, устроенной турками армянам, падает на заботу о несчастных разбежавшихся по горам детях. Их, обнажённых, распухших от голода и совсем одичавших, вылавливают наши солдаты и приносят в лазарет, а сёстры кормят их, лечат, шьют одежду.

Потому самыми главными в книге воспринимаются, казалось бы, совсем незначительные эпизоды, где война отступает на задний план перед добротой, красотой, жизнью. Как вот это описание пути в высокогорный лагерь:

«Мы поднялись уже очень высоко. Горы расступаются перед нами, но всё так же далеки. Тропа вьётся по склону горы, сплошь покрытому какими-то цветущими кустами и необычайной красоты и величины пионами, и тюльпанами. Таких огромных и красивых пионов я и в садах никогда не видела.

– Смотрите! Смотрите! Голубая поляна! – кричит Софья Мефодиевна³⁹.

Внизу, около болота, большая поляна в буквальном смысле голубая. Но до неё было далеко, и никто не мог сказать, что это такое. Караван наш остановился. Урядник⁴⁰ послал двух казаков узнать в чём дело. Все следили за ними. Видим вдруг, что они нагнулись и стали что-то собирать с земли...

³⁸ Там же, с. 48.

³⁹ Женщина-врач.

⁴⁰ В казачьих войсках рядовой состав носил звания: казак, приказный, младший урядник, старший урядник, вахмистр.

– Несут! Несут! – Вот они уже поднялись на тропу... Только тогда мы увидели, что это «голубое» – ... незабудки...

– О, и страсть же сколько их там, – говорит казак, просовывая пучок под уздечку моей лошади. Другой дал мне такой же пучок в руки.⁴¹

Тине Дмитриевне удалось сделать этой искренней книгой то, о чём она сказала в посвящении: «Посвящается моему мужу доктору Ивану Семёновичу Сёмину и всему русскому воинству. Вы были орлы боевые, отдали за родину молодость и здоровье, а я написала эту книгу, – чтобы люди вас не забыли...»⁴². Заметьте, написала не чтобы самой прославиться, а чтобы их не забыли. Как это напоминает стихотворение ещё одного участника Первой

мировой войны, сына сельских учителей **Ивана Васильевича Виноградова** (1895-1981), будущего **архимандрита Исаакия!** Оно написано в марте 1919 года, когда уже позади у него был Румынский фронт, куда Иван попал после ускоренного курса Владимирского военного училища. На фронте штабс-капитан командовал ротой и был ранен. А в девятнадцатом году он стал участником белого движения - «ледяного похода с отрядом

полковника Дроздовского (1200 километров с боями)»⁴³ - и опять был ранен... Смерть была совсем рядом, и между

⁴¹ Сёмина Х.Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914-1918 гг.: Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2: Поход на Мосул / Христина Д. Сёмина. – Нью Мексико, 1964. – С. 110.

⁴² Там же, с. 3.

⁴³ Шеваров Д. Сокровенная тетрадь. Из дневника русской поэзии: комментарии и эссе / Дмитрий Шеваров // Путеводная звезда. – 2011. - № 9, - С. 13.

боями Иван Васильевич нацарапывал карандашом стихи о самом главном.

О любви

*Однажды красавица мне говорила
О том, что такое любить:
«Любить – это падать, и в этом паденье
Другого с собой захватить».*

*Такую любовь я не знал и не знаю,
И знать не могу, не хочу.
Иную мечту о Любви в своём сердце
Я светом надежд золочу.*

*Любить – самому в высоту подниматься
Тернистой, узкой тропой.
Любить – это в райские двери стучаться,
Другого ведя за собой.⁴⁴*

9 марта 1919 года.

А для всемирно известного эстрадного артиста, поэта, певца и композитора **Александра Николаевича Вертинского** (1889-1957) главным было его творчество. Так вот, успех своих песенок он считал заслуженным именно потому, что прошёл путь брата милосердия. В конце 1914 года Вертинский отправился добровольцем на фронт и служил санитаром на 68-м санитарном поезде Всероссийского союза городов, который курсировал

⁴⁴ Шеваров Д. Сокровенная тетрадь. Из дневника русской поэзии: комментарии и эссе /Дмитрий Шеваров // Путеводная звезда. – 2011. - № 9, - С. 13.

между передовой и Москвой. Под началом графа Никиты Толстого он проработал здесь до января 1915 года, сделав (согласно журналу, где записывались данные о перевязках) в общей сложности 35 тысяч перевязок. Тогда же появился и его белый грим – маска Пьеро, возникший из-за чувства неуверенности перед зрителями, когда он и другие молодые санитары давали небольшие «домашние» концерты для раненых. Сам получив ранение, Вертинский вернулся в Москву. А о тех, кого не удалось спасти, появилась песня:

То, что я должен сказать

*Их светлой памяти*⁴⁵

*Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!*

*Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искажённым лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.*

*Закидали их ёлками, замесили их грязью
И пошли по домам – под шумок толковать,
Что пора положить бы уж конец безобразью,
Что и так уже скоро, мол, мы начнём голодать.*

*И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти – к недоступной Весне!*

⁴⁵ Песня посвящалась юнкерам, погибшим в Москве во время Октябрьского вооружённого восстания 1917 года и похороненным на Московском Братском кладбище, но стала одной из самых известных антивоенных песен.

*Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!⁴⁶*

Октябрь 1917, Москва

Известно, что психоанализ – популярная в двадцатом веке теория, разработанная австрийским неврологом Зигмундом Фрейдом, – стал активно развиваться именно в годы Первой мировой войны, на фоне разочарования в разумности, гуманности природы человека. Появился и русский писатель – фронтовик Первой мировой, ушедший на неё добровольно со студенческой скамьи, – исследовавший проблемы бессознательного. Им стал

Михаил Михайлович Зощенко (1894-1958). В своей автобиографии он так кратко охарактеризовал свой фронтовой опыт: *«В 1915 (закончив ускоренные военные курсы) ушёл на фронт в чине прапорщика. На фронте пробыл два года. Участвовал во многих боях, был ранен и отравлен газами. Имел четыре боевых ордена и чин штабс-капитана.*

Годы 15-17 находился в должностях – полкового адъютанта, командира роты и батальона...»⁴⁷.

⁴⁶ Вертинский А.Н. За кулисами: сб. / А.Н. Вертинский; сост. и вступит. ст. Ю. Томашевского. – Москва, 1991. – С. 56-57.

⁴⁷ Зощенко М.М. Автобиография // Зощенко М.М. Возвращённая молодость; Голубая книга; Перед восходом солнца: повести / Михаил Зощенко; сост., примеч. Ю. Томашевского; послесл. Арс. Гулыги. – Ленинград, 1988. – С. 697-698.

Названные боевые ордена: Святого Станислава III степени с мечами и бантом; Святой Анны IV степени на шашке с надписью «За храбрость»; Святого Станислава II степени с мечами; Святой Анны III степени с мечами и бантом. Было объявлено в приказе 1917 года также представление в капитаны и награждение орденом Святого Владимира IV степени с мечами и бантом, но получить его Зощенко не успел.

И вот этот, казалось бы, состоявшийся храбрый и мужественный человек заболевает странным нервным недугом. «Болезнь оказалась непонятной и неизлечимой. Лекарства не помогали, от прописанных врачом водных процедур писателю становилось хуже. Кризис наступил в 1926 году, когда больной перестал есть и чуть не погиб от голода. Именно тогда он почувствовал, что никто, кроме него самого, не в состоянии ему помочь»⁴⁸.

Чтобы не погибнуть и сознательно управлять жизнью своего организма, Зощенко обратился к познанию бессознательного, обобщая свой и чужой жизненный опыт, опираясь на учение академика Павлова об условных рефлексах, изучая учение Фрейда и споря с ним. Так появилась повесть «**Перед восходом солнца**»⁴⁹, в которой Зощенко ставит философско-нравственную проблему сознательного отношения к смерти. Научное знание проникает в читателя средствами искусства. Ведь невольно идёшь за автором, например, после такой фразы: «*В ту войну прапорщики жили в среднем не больше двенадцати дней*»⁵⁰.

⁴⁸ Гулыга Арс. Разум побеждает (О научно-художественных повестях М. Зощенко) // Зощенко М.М. Возвращённая молодость; Голубая книга; Перед восходом солнца: повести / Михаил Зощенко; сост., примеч. Ю. Томашевского; послесл. Арс. Гулыги. – Ленинград, 1988. – С. 701.

⁴⁹ Начало повести было впервые опубликовано в журнале «Октябрь» (1943, № 6/7, 8/9), а окончание – уже после смерти автора, в журнале «Звезда» (1972, № 3).

⁵⁰ Зощенко М.М. Перед восходом солнца // Зощенко М.М. Возвращённая молодость; Голубая книга; Перед восходом солнца: повести / Михаил Зощенко; сост., примеч. Ю. Томашевского; послесл. Арс. Гулыги. – Ленинград, 1988. – С. 473.

Мечта стать таким прапорщиком, естественно, не погибнув, а обретя славу, ведь возможность собственной смерти не осознаётся в восемнадцать лет, подвигла отправиться на Первую мировую войну будущего автора знаменитой повести «Белеет парус одинокий» **Валентина Петровича Катаева** (1897-1986).

Будучи отчислен из гимназии за неуспеваемость, Валентин в 1915 году добровольцем-вольноопределяющимся ушёл на фронт. Начав службу рядовым на артиллерийской батарее, дослужился до прапорщика, получив при этом не передающееся по наследству личное дворянство. Был дважды ранен и отравлен газами. Награждён двумя Георгиевскими крестами и орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». Эта

надпись помещалась на эфесе холодного оружия рядом с миниатюрным знаком ордена, а потому орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость» назывался также «Анненским оружием». В годы войны в прессе появляются первые рассказы и очерки Катаева. Они были посвящены подробностям фронтовой жизни. Фотография прапорщика Валентина Катаева известна нам именно по такой публикации в журнале 1916 года «Весь мир».

Валентин Петрович Катаев уже на девятом десятке своей жизни написал удивительную лирико-философскую мемуарную повесть **«Юношеский роман моего старого друга Саша Пчёлкина, рассказанный им самим»** (1982). В дальнейшем эта повесть выходила под коротким

названием «Юношеский роман» – уж слишком откровенной была автобиографичность произведения. Это был рассказ о том, как, говоря словами автора, «из мальчишки, юноши я медленно превращался в молодого человека»⁵¹. Действительно, перед нами роман воспитания⁵², где детали и подробности военной жизни звучат на равных с психологическими тайнами души, и отношение к ним неизбежно формирует эту душу. Недаром писатель обращается к своей фронтовой юности в период подведения итогов всей своей жизни: ведь «будет ещё много вёсен, но эти неповторимы, как первая любовь»⁵³.

Повесть построена как осмысление и дополнение пачки писем 1916 года с фронтов Первой мировой войны, посланных лирическим героем знакомой девушке. Вольноопределяющийся Саша Пчёлкин хочет произвести впечатление на юную гимназистку, да ещё дочку генерала, а потому его рассказы колоритны, окрашены юмором, содержат намёки на нежные чувства и массу лирических отступлений, включающих строки стихов и даже песен и романсов. Он описывает как страшные подробности боёв, газовых атак, смертей, так и эффектные подробности, например, знакомства с авиацией и авиаторами (именно тогда, с лёгкой руки футуристов, их стали называть лётчиками).

Но суть в том, что девушка, которой пишет Саша, для него всего лишь лёгкое увлечение, а любит он, глубоко, мучительно и безнадежно, совсем другую: не такую красивую и видную, как его корреспондентка, но единственную для него. Как совсем незаметная на небе, но необходимая и вечная Полярная звезда. И, перечитывая свои чудом сохранившиеся письма с фронта (гимназистка когда-

⁵¹ Катаев В.П. Юношеский роман. – Москва, 1983. – С. 193.

⁵² Роман воспитания – тип романа, содержанием которого является психологическое, нравственное и социальное формирование личности главного героя.

⁵³ Там же, С. 163.

то вернула их за ненадобностью), старый писатель дополняет их бытовые подробности жизнью сердца и моральных мучений человека на войне. Так, через всё повествование проходит ужас от ощущения себя самого антихристом, носителем *бациллы войны*:

«Я желал перемен в своей судьбе. А стоило мне только чего-нибудь пожелать, как оно исполнялось. В этом было что-то злое»⁵⁴. «Может быть, я, этот мальчишка, и был носителем бациллы войны: становился под артиллерийским огнём во фронт и чувствовал себя героем»⁵⁵. «Грохот... Химический запах... Сумбур в голове... И страх, страх, страх... Даже не страх, а ужас... Непреодолимый, животный. Одна-единственная мысль острым гвоздём стоит в сознании: если немецкий снаряд прямым попаданием угодит в нашу землянку, то не то что убьёт, а испепелит, превратит в ничто. И самое ужасное, что ведь, если разобратся, я сам этого захотел, пошёл добровольно»⁵⁶.

«В блиндаж вкатываются ещё несколько пехотинцев, застигнутых врасплох внезапным артиллерийским налётом. Они все дрожат как в лихорадке, у всех в глазах мольба: жить!»

В угол блиндажа попадает бомба. Разрыва я не слышу и прихожу в сознание неизвестно через сколько времени. На меня смотрят несколько пар солдатских глаз. Оказывается, блиндаж не пробит. Счастливая случайность? Может быть. Но мне кажется, что бог наказал меня бессмертием. Он карает меня необходимостью и в дальнейшем участвовать во всём этом мировом безумии, которое я сам накликал.

⁵⁴ Катаев В.П. Юношеский роман. – Москва, 1983. – С. 152.

⁵⁵ Там же, с. 135.

⁵⁶ Там же, с. 118.

*Я не ранен. Даже не контужен. Душа моя потрясена».*⁵⁷

Личный опыт и разговоры о войне – вещи несопоставимо разные. В прекрасном, гармоничном, природном мире творчества раннего **Сергея Есенина** (1895-1925) и о войне можно было сказать красиво:

*Затомилась деревня невесточкой –
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомить весточкой, –
Не погибли ли в жарком бою?*

<...>

*Собралися над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.*

*Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижинки хилые
С поджиданьем седых матерей.*⁵⁸

Это строки из стихотворения «Русь», написанного в самом начале войны, в 1914 году. В 1915-м о родине сказано гораздо жёстче, с акцентом на иное главное, с предчувствием будущего:

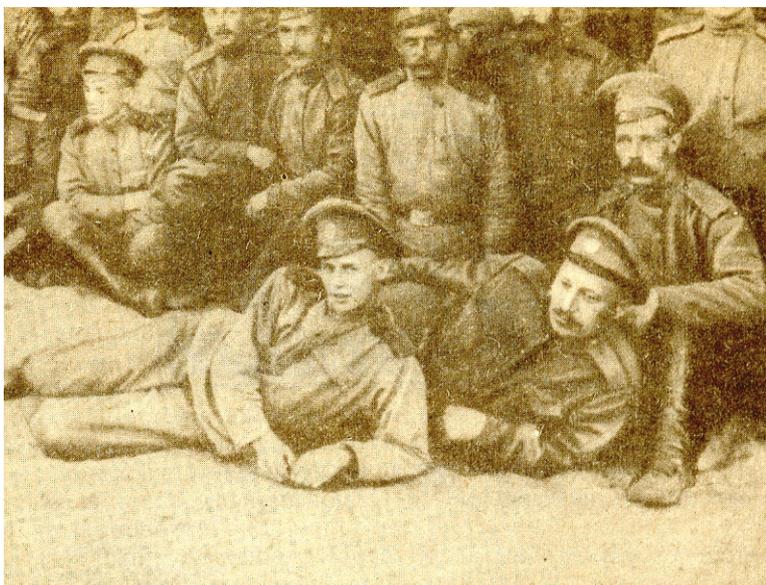
*Все пути твои – в удаче,
Но в одном лишь счастья нет:
Он закован в белом плаче
Разгадавших новый свет.*

⁵⁷ Там же, с. 119.

⁵⁸ Есенин С.А. Русь // Есенин С.А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. – Москва, 1961. – С. 146-147.

*Там устроены палаты
Из церковных кирпичей;
Те палаты – казематы
Да железный звон цепей.*

*Не ищи меня ты в боге,
Не зови любить и жить...
Я пойду по той дороге
Буйну голову сложить.⁵⁹*

*Сергей Александрович
Есенин на фотографии
1916 года – в первом ряду
слева.*

Но, будучи призван в январе 1916 года на войну и поработав санитаром Царскосельского военно-санитарного поезда № 143, заглянув в глаза раненым и умирающим, Сергей Есенин ясно почувствовал то, что он назвал «невушим зовом»:

*Уже встал Иоанн,
Измождённый от ран,
Поднял с земли
Отрубленную голову,
И снова гремят*

⁵⁹ Есенин С.А. «Наша вера не погасла...» // Есенин С.А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. – Москва, 1961. – С. 174-175.

*Его уста,
Снова грозят
Содому:
«Опомнитесь!»*

*Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне, бесстрашный,
Кровожадный витязь.*

*Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!
Все мы – яблони и вишни
Голубого сада.*

*Все мы – гроздья винограда
Золотого лета,
До кончины всем нам хватит
И тепла и света!*

<...>

*Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!⁶⁰*

[1917]

Это, может быть, последнее откровенное слово о чувствах по поводу той войны поэта, соприкоснувшегося с ней. Далее, в двадцатом, более чем не сентиментальном веке, чувства ушли в подтекст, мы можем только о них догадываться. Так, уже в начале 1930-х годов появились разбросанные по эмигрантским периодическим изданиям

⁶⁰ Есенин С.А. Певущий зов // Есенин С.А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. – М., 1961. – С. 269-270.

замечательные **«Солдатские сказки»** Саши Чёрного – вершинное достижение поэта в прозе. Исследователь, впервые представивший эти сказки российскому читателю в 1990-е годы, Анатолий Иванов, приводит слова другого сказочника, Евгения Шварца: *«Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь»*⁶¹. И вот, *«в каждой фразе, в каждом слове «Солдатских сказок» открывается одно: любовь – любовь к родине, к родному языку, к простому «низовому» герою, исключительным выразителем которого стал Саша Чёрный»*⁶².

Главный герой этих сказок – *«простой русский солдат, шествующий из одной сказочной истории в другую под разными именами и обличьями – рядового, денщика, вестового, раненого... По виду и не скажешь, что он герой: из себя невидный, «михрютка», сложения мизерного. Диву даёшься, как это он умудряется вывернуться из любой, казалось бы, безнадежной ситуации, выволить из беды однополчан и своего командира, а то и самого батюшку-царя»*.⁶³ При этом главное его достоинство – в нравственной основе, своеобразном *«кодексе чести»*⁶⁴ русского человека из народа, по воле судьбы ставшего солдатом.

Вот как начинается сказка **«Кабы я был царём...»**:

«Встал бы утречком, умылся, чаю с бубличком напился, кликнул бы нашего фельдфебеля:

– Здорово, Ипатыч. Чай пил?

– Так точно, ваше величество. Какой же русский человек утром чаю не пьёт?

– А солдаты пили?

– Никак нет. По раскладке в армейских частях натурального чайного довольствия не полагается.

⁶¹ Чёрный Саша. Избранная проза / Саша Чёрный; сост., послесл. и коммент. А.С. Иванова. – Москва, 1991. – С. 191.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, с. 189.

⁶⁴ Там же.

– Вишь ты, Ипатыч. А они, поди, тоже не венгерцы. Русские, не хуже тебя. Отдай чичас через старшего писаря приказ, чтобы каждому солдату утром-вечером чаю полную миску выдавали, хочь залейся. И сахару по четыре куска.

– И по одному хватит, ваше величество. Солдат и вприкуску попьёт. А то вся армия в день пуда четыре схряпает, – расход-то какой!

– Эх ты, барабан пузатый. Тебе с ротного котла не то, что внакладку, и на варенье с приплодом твоим хватает. А солдатские куски на весах прикидываешь? Сею же минуто распорядись, чтоб парадный мой золотой портсигар в империялы перелить, – на чай-сахар солдатам, поди, на год хватит. Я в случае надобности и из серебряного покурю.

– Как же, ваше величество, возможно! Ежели к вам шах персидский в гости приедет, – у него портсигар весь червонного золота, алмаз на алмазе, а у вас простого серебра. Несоответственно выйдет.

– Не бубни, Ипатыч. Фазана, поди, видал: зад у него да хвост золотистый, аж солнце перешибает, а что он против русского серого орла может? Ась?»⁶⁵

Тут интересен не только строй русской сказки, замечательная фольклорная речь и соединение бытового со сказочным, но и пробивающаяся сквозь всё это страстная авторская надежда на неистребимость человеческой нравственной основы. Несмотря на то, что сам поэт Саша Чёрный в конце своей военной солдатской службы впал в такую депрессию, что был положен в госпиталь, а потом переведён в санитары.

Та же надежда на возрождение человечности – в послевоенном творчестве фронтовика Бенедикта Лившица.

⁶⁵ Чёрный Саша. Избранная проза / Саша Чёрный; сост., послесл. и коммент. А.С. Иванова. – Москва, 1991. – С. 244.

Сохранилась фотография, повод для создания которой описывает в своих воспоминаниях Корней Чуковский:

«Помню, мы втроём, художник Анненков, поэт Мандельштам и я, шли по петербургской улице в августе 1914 г. — и вдруг встретили нашего общего друга, поэта Бен. Лившица, который отправлялся (кажется, добровольцем) на фронт. С бритой головой, в казенных сапогах он — обычно щеголеватый — был неузнаваем. За голенищем сапога была у него деревянная ложка, в руке — глиняная солдатская кружка. Мандельштам предложил пойти в ближайшее фотоателье и сняться (в честь уходящего на фронт Б. Л.)»⁶⁶. По этой фотографии мы и представляем себе облик поэта.

Осип Мандельштам, Корней Чуковский, Бенедикт Лившиц и Юрий Анненков, проводы на фронт. *Случайная фотография Карла Буллы*. 1914 год.

Известно, что **Бенедикт Константинович Лившиц** (1886-1938) в годы Первой мировой войны был ранен на фронте, награждён Георгиевским крестом за храбрость, но его стихи не о войне, они — прорыв не к смерти, а к жизни, красотой их слога он боролся с тёмной стихией войны и

⁶⁶ К. И. Чуковский — Е. Н. Мухиной. 18 февраля 1968 // «Неистовый Корней» / авт.-сост.: Е. Ю. Абакумова, П. М. Крючков, А. Э. Рудник. — Москва: Три квадрата, 2009.

смерти, которая всё же догнала его позже (в 1938 году он был расстрелян по сфабрикованному «писательскому делу»). И только в некоторых переводах талантливого поэта мы найдём его тайные мысли. Как в переводе стихотворения Поля Валери, которое не случайно называется *«Погибшее вино»* (1919):

*Когда я пролил в океан –
Не жертва ли небытию? –
Под небом позабытых стран
Вина душистую струю,*

*Кто мной тогда руководил?
Быть может, голос вещуна,
Иль, думая о крови, лил
Я драгоценный ток вина?*

*Но, розоватым вспыхнув дымом,
Законом непоколебимым
Своей прозрачности верна,*

*Уже трезвея в пьяной пене,
На воздух подняла волна
Непостижимый рой видений.⁶⁷*

«Непостижимый рой видений» очень болезненно соприкасался с реальной жизнью и в творчестве замечательного русского писателя, классика отечественной литературы **Константина Георгиевича Паустовского** (1892-1968) – тоже вольноопределяющегося Первой мировой войны. Паустовский, оставив учёбу в Московском университете, служил санитаром на санитарных поездах. Страшна на войне работа не только сознания, но и

⁶⁷Валери П. Погибшее вино / Поль Валери; пер. Бенедикта Лившица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wikilivres.ca/wiki> - 12.02.2014.

подсознания писателя. Действительно, страшно, когда молодой человек, находящийся в поисках самого себя и смысла жизни, вдруг... самого себя и встречает:

«...Мой первый очерк... назывался «Синие шинели» и был напечатан. В нём я писал о том, как был взят в плен весь многотысячный гарнизон австрийской крепости Перемышль. Мы видели этих пленных в Бресте.

В этом очерке я не мог написать об одном странном случае, поразившем не только меня, но и всех санитаров.

Пленных вели через Брест. Тяжело волоча на ногах разбитые бутсы, шли по улицам Бреста тысячи австрийских солдат и офицеров – медленный поток синих тусклых шинелей.

Иногда поток останавливался, и небритые люди понуро ждали, глядя в землю. Потом они снова шагали, сгорбившись под тяжестью неизвестной судьбы.

Вдруг санитар Гуго Ляхман схватил меня за руку.

– Смотрите! – крикнул он. – Вон там! Австрийский солдат! Смотрите!

Я взглянул и почувствовал, как озноб прошёл по телу. Навстречу мне шёл усталым, но мерным шагом я сам, но только я был в форме австрийского солдата. Я много слышал о двойниках, но ещё ни разу не сталкивался с ними.

Навстречу мне шёл мой двойник. У него всё до мелочей было моё, даже родинка на правом виске... Конвоир взглянул на меня, потом посмотрел на австрийца, бросился к нему, дёрнул за рукав и показал ему на меня.

Австриец взглянул, как будто споткнулся и остановился. И сразу остановилась вся толпа пленных.

В тёмных глазах австрийца я увидел удивление. Потом оно сменилось мгновенным страхом. Он быстро пересилил его и вдруг улыбнулся мне застенчиво и печально и приветственно помахал поднятой бледной рукой.

– Марш! – прокричал, наконец, конвоир

*Синие шинели колыхнулись и двинулись дальше. Австриец несколько раз оборачивался и махал мне рукой. Я отвечал ему. Так мы встретились и разошлись, чтобы никогда больше не увидеть друг друга».*⁶⁸

И как концентрация известий, идущих вне логики и ожиданий на этой войне, воспринимается эпизод, когда раненому Паустовскому в полевом госпитале в Несвиже попадает старая измятая газета:

«В неё был завёрнут сыр, и газета была вся в жирных пятнах. В отделе погибших на фронте было напечатано: «Убит на Галицийском фронте поручик сапёрного батальона Борис Георгиевич Паустовский», и немного ниже: «Убит в бою на Рижском направлении прапорщик Навагинского пехотного полка Вадим Георгиевич Паустовский».

*Это были два моих брата. Они погибли в один и тот же день».*⁶⁹

Мы цитировали знаменитую **«Повесть о жизни»** Паустовского, которая рассказывает о реальных событиях. Но как встреча с двойником не вошла в военный очерк, так и самое главное, за счёт чего выжил Константин Георгиевич на этой войне и стал одним из человечнейших писателей нашего времени, осталось между строк.

Они встретились в декабре 1914 года. *«Санитарный поезд шёл на фронт мировой войны. Он – санитар, вчерашний студент. Она – сестра милосердия. В его*

⁶⁸ Паустовский К.Г. Повесть о жизни. В 2 т. Т. 1. – Москва, 1992. – С. 271-272.

⁶⁹ Там же, с. 316.

дневнике остались строки – короткие как в телеграмме (через много лет свой лучший рассказ он назовёт «Телеграмма»): «Поцеловал руку. Глаза. Гуляли около поезда. Я топил печку – поцеловала глаза – печаль и ласка девичья, грустная. Загорская. Я полюбил её. Долгое пожатие рук».

*Дочка священника Катя Загорская окончила епархиальное училище. Потом училась на высших женских курсах в Москве и в Сорбонне. 26 августа 1916 года Екатерина и Константин обвенчались в церкви рязанского села Подлесная Слобода, где до своей ранней смерти служил отец невесты. Навестили Катину няню Аксинью».*⁷⁰

*Это строки из эссе «Вечерняя страна» Дмитрия Шеварова⁷¹, посвящённого их отношениям, но что такое любовь в пересказе! Пусть прозвучат отрывки из его фронтовых писем невесте, частично опубликованных лишь в конце двадцатого века. Здесь настоящая поэзия, о которой в «Повести о жизни» сам Паустовский заметил: «...Ни тогда, ни сейчас я ни на минуту не жалею о своей юношеской одержимости поэзией. Потому что знаю, что поэзия – это жизнь, доведённая до полного выражения, раскрытие мира во всей его глубине, трудно охватываемой нашим ленивым взглядом».*⁷²

«23 мая 1915 г. Ходынка. Лагерь.

Прости, моя нежная. Я так долго молчал. Но не хотелось писать о мелочах, не хотелось писать о том, что со мной, пока не закончится во мне этот глубокий перелом, которым я последнее время жил. <...>

Я увидел тебя, вначале такую непостижимо-далёкую, озарённую, и я – бродяга, нищий, поэт с непонятной мне

⁷⁰ Шеваров Д. Сокровенная тетрадь. Из дневника русской поэзии: комментарии и эссе // Путеводная звезда. – 2011. - № 9, - С. 72.

⁷¹ Там же, с. 72-74.

⁷² Паустовский К.Г. Повесть о жизни. В 2 т. Т. 1. – Москва, 1992. – С. 619.

самому душой – полюбил тебя так чисто, так глубоко и больно, что даже если пройдёт любовь, пройдёт её опьянённость, то останется на всю, всю жизнь жгучий след, дающий какую-то горькую сладость. Жизнь сплела вокруг нас причудливый узор войны, скитаний, весенних закатов, дымных рек, городов незнакомых, огнистых, шумных, человеческих страданий, глупости скуки и гибели. Не правда ли странно, Катя?

Я полюбил жизнь, полюбил ярко и сильно...

*29 августа 1915 г. Дер. Гинцевичи,
Минск. губ., около Барановичей*

Каждый день, каждый час, в избах, в сараях, где мы часто ночуем, в дикие, чёрные ночи, которые у меня теперь почти все без сна, – бессонница, – в пути по ночам, так как мы всегда передвигаемся ночью, – всё время думаю о тебе, Катя. По временам, словно в каком-то забытии, я слышу шум моря так ясно, внятно, словно оно шумит здесь, за окном, слышу твой смех, вижу тебя так явственно, словно ты только что была здесь. Порой это достигает силы галлюцинации.

Я много думал о том, стоит ли тебе приезжать сюда, на позиции. Здесь скверно, противно, здесь, наконец, опасно, не потому что могут убить или искалечить, а потому, что так легко погубить свою душу, растоптать её, загрязнить тем морем злобы и грубости, которые хлещут вокруг.

Нет, счастлив, по-моему, тот, кто не видел, кто не знает, что такое война вблизи. А раз увидишь – уже жутко думать о ней. Я понимаю те сотни «пальчиковых», которых мы возили в поезде, единственный исход для солдат – быть раненым.

Условия жизни – отвратительные. Если они тяжелы Романину и мне, то они невозможны для тебя, невозможны для каждой девушки. Чтобы выдержать здесь, нужно отупеть, закрыть глаза, перестать думать, видеть,

чувствовать. Чуткий человек легко сойдёт с ума – а процент сумасшедших очень велик. Романин и я изнервничались, издёргались, стали почти, как это ни гадко, неврастениками.

Волнуют беженцы, в большинстве озлобленная, косная, небывало дикая масса. Из-за хлеба дерутся до крови друг с другом. Работают все на пункте вооружёнными. Иначе, если не хватит пищи или возникнет какое-либо недоразумение, могут убить. Вчера едва не зарезали одного из наших солдат, к счастью, он очень ловко увернулся от ножа. Когда тысячи беженцев смешиваются с отступающей армией, во время перехода по дорогам, запруженным на десятки вёрст, когда каждый стремится унести свою жизнь, единственная защита для каждого – револьвер и нагайка. И их пускают в ход слишком часто. Каждое утро мы находим около своей избы брошенные трупы холерных. Холера растёт. Нет ни одной беженской фурманки не заражённой. Все дороги – кладбища, трупы слегка лишь присыпаются песком. Вонь нестерпимая.

Вот условия, в которых мы живём. И потому, несмотря на мою тоску, я не хочу, чтобы ты была здесь, не только для тебя, но и для меня – так лучше. А я скоро вырвусь. И день, когда я отсюда уеду, будет самым радостным и озарённым днём за эти два глухих, жутких месяца.

Напиши мне хоть несколько строчек, немного, совсем немного, и я буду так счастлив. Ведь я люблю тебя так ярко, нежно, так исключительно, моя радостная Хати-дже.

Пиши. Я буду ждать. Твой Константин».⁷³

Что добавить к этим свидетельствам очевидцев? Они ещё не знают, что эта страшная война перейдёт в

⁷³ Паустовский К.Г. Повесть о жизни. В 2 т. Т. 1. – Москва, 1992. – С. 559-560.

гражданскую, что двадцатый век будет наполнен невероятными страданиями, что отдохнуть не удастся. Что их тяжкий опыт будет замалчиваться. И только поэты предчувствуют будущее, а потому в заключение прозвучат строфы **Максимилиана Волошина** из стихотворения 1915 года «Газеты»:

*Бродила мщенья, дрожжи гнева,
Вникают в мысль, гниют в сердцах,
Туманят дух, цветут в бойцах
Огнями дьявольского сева.*

*Ложь завлакивает мозг
Тягучей дрёмой хлороформа,
И зыбкой полуправды форма
Течёт и лепится, как воск.*

<...>

*Не знать, не слышать и не видеть...
Застыть как соль... уйти в снега...
Дозволь не разлюбить врага
И брата не возненавидеть!⁷⁴*

⁷⁴ Волошин М.А. Газеты // Волошин М.А. Звезда полынь: [стихотворения] / Максимилиан Волошин. – М., 2013. – С. 115.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бондаренко В.В.** Герои Первой мировой / Вячеслав Бондаренко. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 511[1] с.: ил. – (Жизнь замечат. людей: сер. биогр.; вып. 1442).

2. **Быков Д.Л.** Чёрный и Белый // Быков Д.Л. На пустом месте: Статьи, эссе. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2008. – С.79-91.

3. **Валери П.** Погибшее вино / Поль Валери; пер. Бенедикта Лившица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wikilivres.ca/wiki> - 12.02.2014.

4. **Вертинский А.Н.** Дорогой длиною... / А.Н. Вертинский; сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского; послесл. К. Рудницкого; оформл. Г. Саукова. – Москва: Правда, 1990. – 576 с., ил.

5. **Вертинский А.Н.** За кулисами: сборник / А.Н. Вертинский; сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского. – Москва: Советский фонд культуры, 1991. – 304 с. – (Б-ка авторской песни «Гитара и слово». Большая серия).

6. **Волошин М.А.** Звезда полынь: [стихотворения] / Максимилиан Волошин. – Москва: НексМедиа. – Москва: Комсомольская правда, 2013. – 238 с.: ил. – (Серия «Великие поэты»).

7. **Гумилёв Н.** Сочинения в 3 т. Т. 1: Стихотворения; Поэмы / Николай Гумилёв; вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. – Москва: Художественная литература, 1991.- 590 с.

8. **Гумилёв Н.** Записки кавалериста / Николай Гумилёв; подгот. текста, примеч. Е. Степанова // Гумилёв Н. Сочинения в 3 т. Т. 2: Драммы; Рассказы / Николай Гумилёв; сост., подгот. текста, примеч. Р. Щербакова; подгот. текста «Записок кавалериста», примеч. Е. Степанова. – Москва, 1991.- С. 287-349.

8. **Есенин С.А.** Собрание сочинений в 5 т. Т.1: Стихотворения и поэмы / Сергей Есенин. – Москва: Художественная литература, 1961. – 400 с.

9. **Зощенко М.М.** Возвращённая молодость; Голубая книга; Перед восходом солнца: повести / Михаил Зощенко; сост., примеч. Ю. Томашевского; послесл. Арс. Гулыги. – Ленинград: Художественная литература, 1988. – 720 с.

10. **Иванов А.И.** Первая мировая война и русская литература 1914-1918 гг.: этические и эстетические аспекты / Анатолий Иванов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/> - 27.05.2014.

11. **Катаев В.П.** Железное кольцо: рассказы / Валентин Катаев; сост. П.В. Катаев. – Москва: Современник, 1989. – 591 с.

12. **Катаев В.П.** Юношеский роман: роман / Валентин Катаев. – Москва: Советский писатель, 1983. – 256 с.

13. **Лившиц Б.:** [стихи] / Бенедикт Лившиц // Строфы века / сост. Е.А. Евтушенко. – Москва – Минск, 1994. – С. 136-137.

14. **Литературная карта Рыбинского края** /авт. текста О.Ю. Тишинова, и др. – Рыбинск: 2013 г.

15. **Муни:** [стихи] // Строфы века / сост. Е.А. Евтушенко. – Москва – Минск, 1994. – С. 120.

16. **Паустовский К.Г.** Повесть о жизни: в 2 т. Т.1. – Москва: Современный писатель, 1993. – С. 640 с.

17. **Сёмина Х.Д.** Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914-1918 гг.: Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2: Поход на Мосул / Христина Д. Сёмина. – Нью Мексико, 1964. – 301 с.

18. **Толстой А.Н.** Хождение по мукам // Толстой А.Н. Собр. соч. в 10 т. Т. 5. – Москва: Художественная литература, 1983. – 584 с.

19. **Тютчёв Ф.Ф.** Кто прав?: роман, повести, рассказы / Ф.Ф. Тютчев; авт. вступ. ст. и коммент. Г.В. Чагин. – Москва, 1985. – 512 с., портр. – (Из наследия).

20. **Ходасевич В.** Некрополь. Муни (Самуил Викторович Киссин) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hodasevich.lit-info/ru/hodasevich/vospominaniya/nekropol/muni.htm> – 11.02.2014.

21. **Чёрный Саша.** Избранная проза / Саша Черный. – Москва: Книга, 1991. – 432 с., ил. – (Из литературного наследия).

22. **Чёрный Саша.** Стихотворения / Саша Чёрный; сост. и вступ. ст. Ф. Кривина. – Москва: Художественная литература, 1991. – 414.

23. **Шеваров Д.** Сокровенная тетрадь. Из дневника русской поэзии: комментарии и эссе // Путеводная звезда. – 2011. – № 9. – 80 с.